

м. 1536

нытъ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Драма г. Чехова «Чайка», вышедшая 17 декабря из Художественно-Общественнаго театра, — не новость для читающей публики. Драма эта появилась из свѣта еще въ 1896 г., была напечатана въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ и тогда еще побудила много толковъ среди публики и вызвала много различныхъ взглядовъ, мнѣній и толкованій ее внутренняго смысла. Объясняется эта масса мнѣній, конечно, и чисто литературными достоинствами драмы, которые за ней слѣдуетъ признавать безусловно, а, кроме того, тѣмъ очень характерными сценами, приемами письма, въ которыхъ написана «Чайка». Примѣнь этотъ написана въ послѣднее время и за послѣдние годы все болѣе и болѣе завоевывающа права гражданства въ литературѣ, а въ особенности — въ области сценическаго писательства. Обыкновенно авторъ, изображая то или другое событіе, служащее канвою для драмы, рисуетъ или другими путемъ, высказываетъ послѣднимъ образомъ свой собственный взглядъ на деятельность или неспособность нѣхъ; вкладываетъ въ свое произведеніе нѣкоторую основную мысль и вутѣтъ ее, исходя изъ своей строго определенной точки зрѣнія, проводитъ своимъ убѣжденіемъ, стараясь вложить нѣхъ въ сердца читателей и зрителей. Такъ писали авторы много лѣтъ, но въ послѣднее время начинаютъ вытѣтъ отступленія отъ этого неопредѣленнаго порядка, какъ у насъ, такъ въ особенности въ литературѣ Западной Европы, откуда, собственно, это направленіе и перешло къ намъ.

Основная черта его та, что самого автора, его взглядовъ, мнѣній и убѣжденій, совершенно не видно, не подсказываетъ онъ нѣхъ въ заглавіи, не высказываетъ устами дѣйствующихъ лицъ, не объясняетъ и развязкой; дѣлается рядъ отдельныхъ сценокъ, зачастую, какъ у г. Чехова, очень нѣтъко и наблюдательно вытѣтъ изъ жизни, а что онъ значутъ, въ какой логической связи находится между собою, что хотѣлъ сказать авторъ своимъ произведеніемъ, — это предоставляется судить самому читателю или зрителю, при чемъ авторъ совершенно не приходитъ къ нему на помощь. Благодаря такому простору, благодаря полной его неограниченности, произведенія такого сорта, такого направленія, должны вызывать массу толковъ и массу различныхъ мнѣній; типичнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить «Шотландскій Колоколъ», вызвавшій очень оживленную полемику среди журналовъ и до сихъ поръ объясняемый на безконечное число ладовъ. Компетентнымъ судьей такихъ произведеній можетъ быть только авторъ, если онъ дастъ пояснительную статью въ своей веща, иначе — сколько головъ — столько умовъ... Желательно ли такой просторъ, каковы его плоды

тельными и отрицательными сторонами, это уже вопрос другой, не подходящий къ рамкамъ театральной газетной рецензии.

Къ «Чайкѣ» г. Чехова пояснительной статьи нѣтъ, и поэтому режиссеранъ Художественно-Общедоступнаго театра можно было ставить ее, какъ угодно, и толковать ее, какъ нѣтъ заблагоразсудится. Это толкованье — нѣтъ право, и правотѣ этимъ они воспользовались очень широко. Начать съ того, что они обратили всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ ненормальные и психически-больные типы. Эффектъ получился очень рѣзкій. Путемъ грима, путемъ манеры

произносить слова, ходить, двигаться, они на сценѣ воспроизвели картину, очень напоминающую докторскій пріемъ въ клиникѣ для душевно-больныхъ. Изъ этого «Чайка» производитъ очень сильное впечатлѣніе; въ ней выведены главныя образы люди, недовольные своею жизнью, отчасти даже жизненные неудачники. Недовольство собою и своею жизнью — это дѣйствительно типическая черта нашего времени; г. Чеховъ очень талантливо заимствовалъ ее и знакомилъ съ ней своихъ читателей не только въ «Чайкѣ», но и во многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ; одинъ изъ его тонкихъ даже носитъ названіе «Хиурые люди», и «Чайка», — какъ намъ кажется, представляетъ изъ себя только логическое развитіе той же мысли, такъ сказать слѣдующій шагъ въ ее направленіи («Хиурые люди» написаны много раньше «Чайки»). Между тѣмъ, режиссеры Художественно-Общедоступнаго театра взяли, новизны, ту же мысль, форсировали ее и путемъ чисто внѣшнихъ, довольно принитивныхъ, эффектовъ довели ее, какъ гонорится, до геркулесовыхъ столбовъ. Получилась не драма, а нѣчто еще болѣе сильное и непріятное, нездоровое по своему впечатлѣнію. Это опять готъ ужасный пересолъ, который такъ свойственъ каждой постановкѣ разбираемаго театра. Такое форсированье нельзя признать желательнымъ, тѣмъ болѣе, что оно достигается далеко не художественными средствами. Всѣ лица на сценѣ, по гриму, люди больные, — въ нихъ походка, въ нихъ движенія, въ нихъ слова, въ каждомъ звукѣ ихъ голоса чувствуется потливость, ненормальность, граничащая съ сумасшествіемъ. Съ этимъ въ тонъ гармонируетъ вистъ вѣтра въ трубахъ, медленный тягучій ой часовъ на колокольнѣ, полупракъ, царствующій на сценѣ, звукъ выстрѣла, который съ сценой кончается съ собой герой пьесы Константинъ Треняевъ; кромѣ того всѣ участвующие говорятъ пониженнымъ голосомъ, страшно медленно произносятся и растягивая слова, дѣлаютъ, конечно манѣренно, бесконечныя паузы... Да, отъ всего этого получается впечатлѣніе, но впечатлѣніе нездоровое и нежелательное. Иная «Чайку», никто не вынесетъ живого бодрящаго впечатлѣнія; это грустная исторія одного

большаго молодого человѣка Константина Треняева, который заламываетъ свою неудачную жизнь самоубійствомъ; читателю его жалко, жалко ту сѣрую, туманную обстановку, въ которой загибала молодая жизнь; глядя «Чайку» на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра, зритель разстраивается отъ той смертельной тоски, которая разлита въ исполненіи почти всѣхъ участниковъ и, главныя образы, въ постановкѣ, а когда онъ начинаетъ разбираться въ своихъ ощущеніяхъ, когда онъ задается вопросомъ, откуда у него вышло это щемлящее чувство, — можетъ быть, отъ драматическаго положенія отдельныхъ лицъ пьесы, можетъ быть, отъ жалости къ нимъ, онъ неколько долженъ вспомнить, что въ «Чайкѣ», написанной г. Чеховымъ, въ такомъ положеніи только одинъ Константинъ Треняевъ, а все остальное придумано и добавлено самимъ режиссерами. Щемлящее же чувство нѣтъ своимъ исходомъ просто ни съ чѣмъ несравнимую скуку и растянutosть постановки, которая красной, особо подчеркнутой нитью проходитъ черезъ всѣ четыре акта.

Итакъ, сводя итоги, слѣдуетъ признать, что впечатлѣніе отъ постановки «Чайки» не художественное, не пріятное и не полезное. Это такъ очевидно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ, которые были бы нужны въ томъ случаѣ, если бы постановка была хороша, а впечатлѣніе отъ нея было плохимъ.

Переходя къ отдельнымъ исполнителямъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что всѣ они старались поддерживать общій тонъ, придуманный режиссерами, и поэтому ихъ индивидуальность пропадала бесслѣдно; это, впрочемъ, можно сказать о всѣхъ спектакляхъ Художественно-Общедоступнаго театра, а потому на игрѣ особенно долго останавливаться въ не приходится. Въ «Чайкѣ» всѣ они старались изобразить людей ненормальныхъ, психически больныхъ, слабыхъ волею, и это странное пришло къ тому, что того большаго в отчасти роднаго человека, который въ тонъ по театру г. Москвитина играть Федора Ивановича; по тѣмъ это болѣе по шѣту, а въ «Чайкѣ» это производитъ странное впечатлѣніе. Это замѣчаніе относится къ большинству участвующихъ; также другіе въ этомъ направленіи пошелъ г. Стожиковскій, который изъ очень арко замаскированной роли вѣстнаго писателя Григоріа создалъ тѣмъ образомъ, совершенно потерявшего волю, слабаго, растеряннаго, въ жалкой, безпомощной уязвимости, неутраченного движеніи

ли, съ потерянными полюбленнымъ взглядомъ. Общепринятое представление о чело-
вѣкѣ таланта, ума, добродѣтели, большой
вѣрности, почтеніи, плоть сформовано въ
разрѣзъ съ тѣми чертами, которыя подчери-
вала г. Станиславскій, и потому впечатлѣніе
отъ его игры получалось очень странное и вы-
зывало только недоумѣніе. Очень надурно
былъ г. Лунскій, онъ совершенно напрасно
такъ детально пытался изобразить на сценѣ
состояніе большого самоубійцы, съ потерянъ толь-
ко что тутъ не случился ударъ; имѣть быть,
съ вымышленной точки зрѣнія это изображеніе
было очень вѣрно, а ударъ дѣйствительно слу-
чается тотъ же, какъ демонстрировалъ его г.
Лунскій, но это не эстетично и не художественно;
это—область жизни, а никакъ не искусство.

Изъ остальныхъ исполнителей лучше другихъ
былъ г. Мейерхальдъ, въ роли Константина
Троилова. Исполнительницы женскихъ ролей въ
общемъ были удачны; слабые другихъ была
г-жа Ронсенова, игравшая роль Нины Михай-
ловны Зарѣчной. Артистка шла, такъ сказать,
въ тонъ г. Станиславскому и изображала прѣ-
нимъ искренну и неунывающую; въ ея
игрѣ сказывалось тѣ же сны недостатки, что
и у г. Станиславскаго, а такъ какъ изъ роли,
по смыслу пьесы, очень связаны между собой,
то они оба проводили своей игрой общее на-
печатлѣніе, совершенно нежелательное. Гораздо
выше была исполнительница роли Маши Шан-
раской—г-жа Диллиа; у артистки много про-
стоты, мысль своей роли она схватила очень
удачно и пренеся ее въ очень живомъ и
вѣрномъ тонѣ. Также хороша была и г-жа
Клинеръ, игравшая антрапу Ирину Николаевну
Ариадну; слабые выходили у ней драматиче-
скіе моменты, но такъ, гдѣ роль идетъ въ весе-
ломъ тонѣ, какъ въ парныхъ актахъ, г-жа Кли-
неръ справлялась съ нею отлично и, вѣсть съ
г-же Диллиа, простотой тона шла въ очень
замысловатый и пріятный диссонансъ съ претен-
ціозностью и хитроуміемъ другихъ исполни-
телей.